

я прошу Тебя: дай мне уехать.
если можно, на две-три недели.
по эфиру гуляют помехи.
мне хронически все надоели.

не хочу я ни быть, ни казаться.
тошно мне среди душекрасилен.
мне навряд ли помогут в Казанском,
если даже Исаакий бессилён.

пусть из грязи в князья прутся танки
по исколотым жилочкам улиц.
мне навряд ли поможет Фонтанка,
если даже Нева отвернулась.

стал чужим диалог голубиный.
я иду за молчаньем в аптеку.
мне навряд ли поможет Любимый,
раз Никто — человек человеку.

обратили Мечту анекдотом,
изменив ей пароли и явки.
мне навряд ли поможет хоть кто-то,
если море запряталось в якорь.

зимний холод и летняя зелень.
из окна пьянибратские виды.
дай мне комнату площадью с Землю.
я могу обещать, что не выйду.

ну же! перечеркни мои планы,
Ты же здесь самый главный новатор.
только "Землю" впиши мне с заглавной:
мне до строчной еще рановато.

* * *

Я обыкновенный плагиатор и стихи дублирую, шутя: я краду хорей у листопада и ворую рифмы у дождя, голос я беру у водосточных труб, в которых бьются сквозняки. Ну какой тут авторский источник, ну какие тут обиняки? Собственный мой голос — он прокурен и храпит в гортани про запас. В наши игры о литературе голоса играют против нас.

Ходют-бродют критеги в очечках, поднимая выпренную бровь: здесь как прядка выбилось полстрочки, и ну что ж ты пишешь пролюбофь? "Подозренье рифм на отглагольность, — молвит критег, челюстью скрипя, — да и твой не уникален голос — так уже сказали до тебя!" Я молчу и не читаю строки тех, с кем кто-то сравнивал меня. Не они преподают уроки — те, чей свет за пазухой храня, я иду, и мне светлее в самой нелитературной темноте.

Я рифмую строки с чудесами.

Я ворую рифмы у детей.

У меня в стихах не "воют птицы" и не прочирикает зверёк. У меня не "спитя с тем, кто снится", разве это ставят мне в упрёк? Надо, вероятно, чтобы "выли" "птицы счастья" третьей мировой, надо, вероятно, чтобы были трое: он, она и у него, надо, чтоб добряк побил злодея, надо, чтоб "йа без него умру..."

Пусть не в меру я краду идеи: я краду идеи не в миру.

Я краду анапесты и ямбы у морей и тридевятых гор. И не нужно петь мне дифирамбы или вызывать на разговор: если у тебя в стихах ни строчки от того, что дарит эта Жизнь — лучше, правда, ограничься точкой.

Или в графоманы запишись.

***

Ставь на верных, детка. Всегда на них.
Отзвучит вторичный паршивый стих,
замолчит раскрашенный свистопляс,
отведет толпа сто потухших глаз
там, где градус выше, а шутки — ниже.

Ставь на верных, детка. Настанет час,
и с фонарных стволов облетят афиши.
И сойдет лавинами макияж
с тех, которым ломаный грош не дашь,
как проткнёшь их мыльный раздутый имидж.
С тех, которым манных не нужно каш,
только звёздную манну с небес, мой паж,
их природной наглости не отнимешь.

Можно сделать грудь, можно сделать стаж,
манекен рядить в соболя, в плюмаж
и ходить с раскатанною губою,
получать проценты с самопродаж,
над людьми возвыситься на этаж,
но не над собою.

Ставь на верных, детка. На тех, кому
понимаешь: завидовать ни к чему,
не дворянской, а дворовой породы.
Горе бродит в них от ума к уму,
но не бродит хмель: такова природа.
К ним любовь придёт, и виной тому
тяготенье сердец народа.

Их сейчас не знает почти никто,
но любят накрепко их потом
Не за модный вид, не за медный профиль.
Не за вовремя поданный шефу кофе.

Не за это. И, Господи, не за то,
как бывает на фабриках звёзд в начале:
снят сначала фильм, а потом — пальто,
а потом — давай-ка с тобой вальтом.
Каждый истинный голос — сейчас фантом.

Золотой горой за закрытым ртом
высится молчанье.

И, когда последняя из афиш
тех, о ком бездумно кричал Париж
и отпродюсировал нувориш,
тех, с кем, в общем, с лёгкостью переспишь,
если дашь конфетку,
тех, кто ярок да звонок секунду лишь,
облетает с ветки,
чей-то голос пронзает собою тишь:

“Ставь на верных, детка”.

Кто же верные?
Как их сейчас найти?
Бьют с размаху лежащие их пути —
равнодушием,
непризнаньем.
В чистом поле воин — всегда один.

Я их знаю. Мало, но всё же знаю.

Ждёт их, к сожалению, впереди
не звезда во лбу, но дыра в груди —
белая,
сквозная.

***

Я был открытым сердцем и душой.
— Входите, почувствуйте себя как дома!
Мой дом просторный, светлый и большой.
В нём хватит всем еды, питья и комнат!
Беседы продолжались до утра!
Душистый чай, классические танцы.
Когда мне говорили: “Мне пора”,
я умолял подольше их остаться.

Так сердце стало проходным двором,
там никогда никто не спал ночами.
Там пели шлягера, там пили ром
и засыпали с первыми лучами.
Я всех любил и всех за все прощал,
но обнаружил как-то раз пропажу
в своих лежащих тут и там вещах.
Я знал, никто на вора не укажет!

Украли что-то важное... моё.
Я, разозлившись, всех из дома выгнал!
Когда остался сам с собой вдвоем,
то я к себе никак не мог привыкнуть!
Я размышлял мучительно: кто — вор?
Не мог понять, что именно пропало!
На тысячу замков я запер двор,
но, видимо, ворам всё было мало!

Я чувствовал, что все идет не так!
Я ощущал потерю за потерей!
И сердце перестало биться в такт,
и не спасали запертые двери!
Когда из сердца вдруг исчезло всё,
до самого последнего кусочка,
я понял, от себя меня спасет
лишь смена места жительства, и точка!

И смех, и слезы!
Я и был тот вор.
Я сам вручил свой дом неверным лицам!
Я вызвал сам себя на разговор,

и мы решили:
так не повторится!

Я стал открытым сердцем и душой
чуть более, чем раньше — но для круга,
который не такой уж и большой,
но кто вложил в протянутую руку
все то, что я оплакивал, скорбя,
что я, пообещав, не смог исполнить,
все то,
что я украл сам у себя,
впуская тех,
кого не стоит помнить.

Я повез ребенка за сто земель
показать, что пыль, а не карамель
на зубах хрустит у людей, и жаль,
что у них каждый день из семи — печаль,
что они бедны, пока мы богаты,
что от горя крыши домов покаты,
что не всем — бассейн, палисад и вилла,
что судьба кого-то в руках сдавила,
и никак не вытащить, не помочь.

Мы с ребенком перекантовались ночь
в захудалой хижине рыбака.
Исколов соломой себе бока,
я ворочался долго и встал без сил,
по дороге домой у сынка спросил:
— Ты увидел, как люди бедны бывают,
ноги в пыль дорожную обувают?

Сын ответил:

— Да.

Эта пыль — живая.
Вот у нас — собака сторожевая,
а у них там целых четыре пса,
вот у нас бассейн, а у них есть бухта,
я, как только увидел, воскликнул: "Ух ты!",
вот у нас сто ламп освещают сад,
а у них там звезды на небесах,
во дворе ты маме поставил зонт,
чтоб она отдыхала, а горизонт —
он такой, что края его не видны
даже в самых ярких лучах заката.

Папа,
как же те рыбаки богаты,
папа,
я увидел, как мы бедны.

И лишился я дара речи, с коня я слез,
и увидел, как руки раскинул лес,
и услышал, как небо над головой
говорит мне,
что я -
живой.

И, вроде, мир потеплел к июлю.
Я, вроде, снова не одиночка.
Поёт "Поэт" и шумит "Арт-Улей",
писатель на кон поставил точку.
Трон уместается в старом стуле.
Любовь живёт в шерстяных щеночках,
и, может, в том, что тебя надули,
И, может, в синих моих чулочках.
Я продаю самовары в Туле,
в Ultima Thule. Я тот, челночный.

Мне двадцать лет, Петербургу триста.
Жертвы становятся палачами.
Никто с листа не играет Листа.
Стихи в печах ничто не печалит.
О твой чужой итальянский vista
мой русский взгляд разбивался в чайных.
Моя вина, как вино, игриста.
Я виновата ещё вначале.
Я получаю диплом лингвиста,
не овладев языком молчанья.

Можешь сказать, что виновен Путин
в том, что тебя у меня нет в доме.
Семь выходных, недостаток буден,
часы не бьют по лежачим в коме.
Моя — на пульсе. Твоя — на пульте.
Поэтому вместе им беспокойно.
Уподобляйся и дальше Будде.
Не выходи из янтарных комнат.

Прости за то, что тебя забуду.
Прости за то, что тебя запомнят,
как адресата, чужие люди,
чтобы раскланяться в "No comment".

THAT'S ALL

Было столько лиц. Не помню ни одного.
Было столько света, что, кажется, я ослеп.
Было столько всего. Столько было всего:
зрелища были яркими, свежим — хлеб.
Было столько звука, что, кажется, я оглох.
Было столько бумаг, что хватит ли мест в печах?
Было столько звонков, и я отвечал: "Алло",
а иногда, быть может, не отвечал.

Было столько слёз, как только не стёр щёк.
Было столько зла, забыть всё — уже добро.
Было столько женщин, что я потерял счёт.
Ни одна из них не являлась моим ребром.
Надвое сломан меч и расколот щит.
Доспех стал платьем, забрало стало чадрой.
Было столько всего, что память по швам трещит.
Всё, что было, мы сотворили из ничего.

Было столько у нас ничего, и ещё есть.
Если хочешь, отдам. Вечером приходи.
Это самая что ни на есть никакая весть.
Всё еще будет.
Всё еще впереди.
Всё ищет путь во тьме к одному из нас,
и, как правило, этот кто-то стоит спиной.
Всё, я устал.
Скажи мне, который час,
И не спрашивай, что со мной. Ничего со мной.

"Всё или ничего" — ультиматум прост.
Я выбираю "или" из двух зол.
Как связующее звено или свайный мост.

Было столько, что самое время сказать "That's all".